

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ПОДКИДЫШ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ЧИТАЕМ САМИ

Л. Н. ТОЛСТОЙ
ПОДКИДЫШ

РАССКАЗЫ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1985

Во времена Л. Н. Толстого в России было мало школ в городах, а в деревнях их почти не было совсем; народ был безграмотный. Л. Н. Толстой в своей усадьбе Ясная Поляна открыл школу для крестьянских детей и написал учебники: «Азбуку» и «Четыре русские книги для чтения». По ним училось несколько поколений русских детей.

Рассказы, собранные в этой книге, взяты нами из учебных книг Л. Н. Толстого.

Художник А. Слепков

Толстой Л. Н.

T53 Подкидыш: Рассказы/ Худ. А. Слепков.— М.:
Дет. лит., 1985.—32 с., ил.

10 коп.

В книгу вошли рассказы: «Как мальчик рассказывал про то, как его в лесу застала гроза», «Как тётюшка рассказывала о том, как она выучилась шить», «Котёнок», «Подкидыш», «Корова», «Рассказ мужика о том, за что он старшего брата своего любит», «Собака Якова», «Пожар», «Старая лошадь», «Солдаткино житьё».

Т 4803010101—435 158—85
M101(03)85

P1

КАК МАЛЬЧИК РАССКАЗЫВАЛ ПРО ТО, КАК ЕГО В ЛЕСУ ЗАСТАЛА ГРОЗА

Быль

Когда я был маленький, меня послали в лес за грибами. Я дошёл до лесу, набрал грибов и хотел идти домой. Вдруг стало темно, пошёл дождь и загремело. Я испугался и сел под большой дуб. Блеснула молния такая светлая, что мне глазам больно стало, и я зажмурился. Над моей головой что-то затрещало и загремело; потом что-то ударило меня в голову. Я упал и лежал до тех пор, пока перестал дождь. Когда я очнулся, по всему лесу капало с деревьев, пели птицы и играло солнышко. Большой дуб сломался, и из пня шёл дым. Вокруг меня лежали оскрётки¹ от дуба. Платье на мне было всё мокрое и липло к телу; на голове была шишка, и было немножко больно. Я нашёл свою шапку, взял грибы и побежал домой. Дома никого не было, я достал в столе хлеба и влез на печку. Когда я проснулся, я увидел с печки, что грибы мои изжарили, поставили на стол и уже хотят есть. Я закричал:

— Что вы без меня едите?

Они говорят:

— Что ж ты спишь? Иди скорей, ешь.

¹ Оскрётки — щепки.

КАК ТЁТУШКА РАССКАЗЫВАЛА О ТОМ, КАК ОНА ВЫУЧИЛАСЬ ШИТЬ

Рассказ

Когда мне было шесть лет, я просила мать дать мне шить. Она сказала: «Ты ещё мала, ты только пальцы наколешь»; а я всё приставала. Мать достала из сундука красный лоскут и дала мне; потом вдела в иголку красную нитку и показала мне, как держать. Я стала шить, но не могла делать ровных стежков; один стежок выходил большой, а другой попадал на самый край и прорывался насквозь. Потом я уколола палец и хотела не заплакать, да мать спросила меня: «Что ты?» — я не удержалась и заплакала. Тогда мать велела мне идти играть.

Когда я легла спать, мне всё мерещились стежки: я всё думала о том, как бы мне скорее выучиться шить, и мне казалось так трудно, что я никогда не выучусь. А теперь я выросла большая и не помню, как выучилась шить; и когда я учу шить свою девочку, удивляюсь, как она не может держать иголку.

КОТЁНОК

Быль

Были брат и сестра — Вася и Катя; и у них была кошка. Весной кошка пропала. Дети искали её везде, но не могли найти. Один раз они играли подле амбара и услышали, над головой что-то мяучит тонкими голосами. Вася влез по лестнице под крышу амбара. А Катя стояла внизу и всё спрашивала:

— Нашёл? Нашёл?

Но Вася не отвечал ей. Наконец, Вася закричал ей:

— Нашёл! наша кошка... и у неё котят; такие чудесные; иди сюда скорее.

Катя побежала домой, достала молока и принесла кошке.

Котят было пять. Когда они выросли немножко и стали вылезать из-под угла, где вывелись, дети выбрали себе одного котёнка, серого с белыми лапками, и принесли в дом. Мать раздала всех остальных котят, а этого оставила детям. Дети кормили его, играли с ним и клали с собой спать.

Один раз дети пошли играть на дорогу и взяли с собой котёнка.

Ветер шевелил солому по дороге, а котёнок играл с соломой, и дети радовались на него. Потом они нашли подле дороги щавель, пошли собирать его и забыли про котёнка. Вдруг они услышали, что кто-то громко кричит:

— Назад, назад!

И увидали, что скачет охотник, а впереди его две собаки увидали котёнка и хотят схватить его.

А котёнок глупый, вместо того чтобы бежать, присел к земле, сгорбил спину и смотрит на собак. Катя испугалась собак, закричала и побежала прочь от них. А Вася что было духу пустился к котёнку и в одно время с собаками подбежал к нему. Собаки хотели схватить котёнка, но Вася упал животом на котёнка и закрыл его от собак.

Охотник подскакал и отогнал собак; а Вася принёс домой котёнка и уж больше не брал его с собой в поле.

ПОДКИДЫШ

У бедной женщины была дочь Маша. Маша утром пошла за водой и увидела, что у двери лежит что-то завернутое в тряпки.

Маша поставила вёдра и развернула тряпки. Когда она тронула тряпки, из них закричало что-то:

— Уа! уа! уа!

Маша нагнулась и увидела, что это был маленький красный ребёночек. Он громко кричал:

— Уа! уа!

Маша взяла его в руки и понесла в дом, и стала с ложки поить молоком. Мать сказала:

— Что ты принесла?

Маша сказала:

— Ребёночка; я нашла у нашей двери.

Мать сказала:

— Мы и так бедны, где нам кормить ещё ребёнка; я пойду к начальнику и скажу, чтоб его взяли.

Маша заплакала и сказала:

— Матушка, он не много будет есть, оставь его. Посмотри, какие у него красненькие сморщенные ручки и пальчики.

Мать посмотрела, ей стало жалко. Она оставила ребёночка. Маша кормила и пеленала ребёночка, и пела ему песни, когда он ложился спать.

КОРОВА

Быль

Жила вдова Марья со своей матерью и с шестью детьми. Жили они бедно. Но купили на последние деньги бурую корову, чтоб было молоко для детей. Старшие дети кормили Бурёнушку в поле и давали ей помои дома. Один раз мать вышла со двора, а старший мальчик Миша полез за хлебом на полку, уронил стакан и разбил его. Миша испугался, что мать его будет бранить, подобрал большие стёкла от стакана, вынес на двор и зарыл в навозе, а маленькие стёклышки все подобрал и бросил в лоханку. Мать хватилась стакана, стала спрашивать, но Миша не сказал; и так дело осталось.

На другой день после обеда пошла мать давать Бурёнушке помои из лоханки, видит, Бурёнушка скучна и не ест корма. Стали лечить корову, позвали бабку. Бабка сказала: корова жива не будет, надо её убить на мясо. Позвали мужика, стали бить корову. Дети услышали, как на дворе заревела Бурёнушка. Собрались все на печку и стали плакать. Когда убили Бурёнушку, сняли шкуру и разрезали на части, у ней в горле нашли стекло.

И узнали, что она издохла от того, что ей попало стекло в помоях. Когда Миша узнал это, он стал горько плакать и признался матери о стакане. Мать ничего не сказала и сама заплакала. Она сказала:

— Убили мы свою Бурёнушку, купить теперь не на что. Как проживут малые дети без молока?

Миша ещё пуще стал плакать и не слезал с печи, когда ели студень из коровьей головы. Он каждый день во сне видел, как дядя Василий нёс за рога мёртвую бурую голову Бурёнушки с открытыми глазами и красной шеей. С тех пор у детей молока не было. Только по праздникам бывало молоко, когда Марья попросит у соседей горшочек. Случилось, барыне той деревни понадобилась к дитяти няня. Старушка и говорит дочери:

— Отпусти меня, я пойду в няни, и тебе, может, бог поможет одной с детьми управляться. А я, бог даст, заслужу в год на корову.

Так и сделали. Старушка ушла к барыне. А Марье ещё тяжелее с детьми стало. И дети без молока целый год жили: один кисель и тюрю ели и стали худые и бледные. Прошёл год, пришла старушка домой и принесла двадцать рублей.

— Ну, дочка, — говорит, — теперь купим корову!

Обрадовалась Марья, обрадовались все дети. Собрались Марья со старухой на базар покупать корову. Соседку попросили с детьми побыть, а соседа дядю Захара попросили с ними поехать, выбирать корову. Помолились богу, поехали в город. Дети пообедали и вышли на улицу смотреть: не ведут ли корову. Стали дети судить: какая будет корова — бурая или чёрная. Стали они говорить: как её кормить будут. Ждали они, ждали целый день. За версту ушли встречать корову, уж смеркаться стало, вернулись назад. Вдруг видят: по улице едет на телеге бабушка, а у заднего колеса идёт пёстрая корова, за рога привязана, и идёт сзади мать, хворостинной подгоняет. Подбежали дети, стали смотреть корову. Набрали хлеба, травы, стали кормить. Мать пошла в избу, разделась и вышла на двор с полотенцем и подойником. Она села под корову, обтёрла вымя. Господи благослови! Стала доить корову, а дети сели кругом и смотрели, как молоко брызнуло из вымя в край подойника и засвистело у матери из-под пальцев. Надоила мать половину подойника, снесла на погреб и отлила детям горшочек к ужину.

РАССКАЗ МУЖИКА О ТОМ, ЗА ЧТО ОН СТАРШЕГО БРАТА СВОЕГО ЛЮБИТ

Я и так брата люблю, а больше за то, что он за меня в солдаты пошёл. Вот как было дело: стали бросать жеребий¹. Жеребий пал на меня, мне надо было идти в солдаты, а я тогда неделю как женился. Не хотелось мне от молодой жены уходить.

Матушка стала выть и говорит:

— Как Петрушке идти, он молод.

Делать было нечего, стали меня собирать. Сшила мне жена рубахи, собрала мне денег, и назавтра надо было идти на ставку в город. Матушка убивалась — плакала, а я как подумаю, что идти надо, так сердце сожмётся, точно на смерть иду.

Собрались мы ввечеру все ужинать. Никому и есть не хотелось. Старший брат, Николай, лежал на печи и всё молчал.

¹ Жеребий, жребий — какой-либо предмет, который «мечут», бросают для принятия жизненно важного решения, определяющего судьбу.

Молодайка моя выла. Отец сидел сердитый. Как матушка по-становила на стол кашу, так никто её и не тронул. Матушка стала звать Николая с печи ужинать.

Он сошёл, перекрестился, сел у стола да и говорит:

— Не убивайся, матушка. Я пойду за Петрушку в солдаты, я старше его. Авось, не пропаду. Отслужу да и приду домой. А ты, Пётр, без меня покой батюшку с матушкой и жену мою не обижай.

Я обрадовался, матушка тоже перестала убиваться; стали собирать Николая.

Поутру, когда я проснулся, как пораздумал, что за меня брат идёт, стало мне тошно. Я и говорю:

— Не уходи, Николай, мой черёд, я и пойду.

А он молчит и собирается. И я собираюсь. Пошли мы оба в город на ставку. Он становится и я становлюсь. Оба мы ребята хорошие, стоим-ждём, не бракуют нас. Старший брат посмотрел на меня — усмехнулся и говорит:

— Будет, Пётр, ступай домой. Да не скучайте по мне, я своей охотой иду.

Заплакал я и пошёл домой. А теперь как вспомню про брата, кажется бы, жизнь за него отдал.

СОБАКА ЯКОВА

У одного караульщика была жена и двое детей: мальчик и девочка. Мальчику было семь лет, а девочке было пять лет. У них была лохматая собака с белой мордой и большими глазами.

Один раз караульщик пошёл в лес и велел жене не пускать детей из дома, потому что волки всю ночь ходили около дома и бросались на собаку.

Жена сказала:

— Дети, не ходите в лес,— а сама села работать.

Когда мать села работать, мальчик сказал своей сестре:

— Пойдём в лес, я вчера видел яблоню, и на ней поспели яблоки.

Девочка сказала:

— Пойдём,— и они побежали в лес.

Когда мать кончила работать, она позвала детей, но их не было. Она вышла на крыльцо и стала кликать их. Детей не было. Муж пришёл домой и спросил:

— Где дети?

Жена сказала, что она не знает.

Тогда караульщик рассердился на жену и побежал искать детей.

Вдруг он услышал, что визжит собака. Он побежал туда и увидел, что дети сидят под кустом и плачут, а волк сцепился с собакой и грызёт её. Караульщик схватил топор и убил волка. Потом взял детей на руки и побежал с ними домой.

Когда они пришли домой, мать заперла дверь, и они сели обедать. Вдруг они услышали, что собака визжит у двери. Они вышли на двор и хотели впустить собаку в дом, но собака была вся в крови и не могла ходить. Дети принесли ей воды и хлеба. Но она не хотела ни пить, ни есть и только лизала им руки. Потом она легла на бок и перестала визжать. Дети думали, что собака заснула; а она умерла.

ПОЖАР

Быль

В жнитво¹ мужики и бабы ушли на работу. В деревне остались только старые да малые. В одной избе оставались бабушка и трое внучат. Бабушка истопила печку и легла отдохнуть. На неё садились мухи и кусали её. Она закрыла голову полотенцем и заснула. Одна из внучек, Маша (ей было три года), открыла печку, нагребла угольев в черепок и пошла в сени. А в сенях лежали снопы². Бабы приготовили эти снопы на свясла³. Маша принесла уголья, положила под снопы и стала дуть. Когда солома стала загораться, она обрадовалась, пошла в избу и привела за руку брата, Кирюшку (ему было полтора года, и он только что выучился ходить), и сказала:

— Глянь, Килюска, какую я печку вздула.

Снопы уже горели и трещали. Когда застлало сени дымом, Маша испугалась и побежала назад в избу.

Кирюшка упал на пороге, расшиб нос и заплакал; Маша втащила его в избу, и они оба спрятались под лавку. Бабуш-

¹ Жнитво, жатва — сбор урожая, срезывание серпом колосьев.

² Снопы — пучки, связки колосьев.

³ Свясла — жгуты из соломы для вязки снопов.

ка ничего не слыхала и спала. Старший мальчик, Ваня (ему было восемь лет), был на улице.

Когда он увидел, что из сеней валит дым, он вбежал в дверь, сквозь дым проскочил в избу и стал будить бабушку; но бабушка спросонков ошалела и забыла про детей, выскочила и побежала по дворам за народом.

Маша тем временем сидела под лавкой и молчала; только маленький мальчик кричал, потому что больно разбил себе нос. Ваня услышал его крик, поглядел под лавку и закричал Маше:

— Беги, сгоришь!

Маша побежала в сени, но от дыма и от огня нельзя было пройти.

Она вернулась назад. Тогда Ваня поднял окно и велел ей лезть.

Когда она пролезла, Ваня схватил брата и потащил его. Но мальчик был тяжёл и не давался брату. Он плакал и толкал Ваню.

Ваня два раза упал, пока дотащил его к окну, дверь в избе уже загорелась.

Ваня просунул мальчикову голову в окно и хотел протолкнуть его; но мальчик (он очень испугался) ухватился ручонками и не пускал их. Тогда Ваня закричал Маше:

— Тащи его за голову! — а сам толкал сзади. И так они вытащили его в окно на улицу и сами выскочили.

СТАРАЯ ЛОШАДЬ

У нас был старый старик Пимен Тимофеич. Ему было девяносто лет. Он жил у своего внука без дела. Спина у него была согнутая: он ходил с палкой и тихо передвигал ногами. Зубов у него совсем не было, лицо было сморщенное. Нижняя губа его тряслась; когда он ходил и когда говорил, он шлёпал губами, и нельзя было понять, что он говорит.

Нас было четыре брата, и все мы любили ездить верхом. Но смирных лошадей у нас для езды не было. Только на одной старой лошади нам позволяли ездить; эту лошадь звали Воронок.

Один раз матушка позволила нам ездить верхом, и мы все пошли в конюшню с дядькой. Кучер оседлал нам Воронка, и первый поехал старший брат. Он долго ездил: ездил на

гумно и кругом сада, и когда он подъезжал назад, мы закричали:

— Ну, теперь проскачи!

Старший брат стал бить Воронка ногами и хлыстом, и Воронок проскакал мимо нас.

После старшего сел другой брат. И он ездил долго, и тоже хлыстом разогнал Воронка и проскакал из-под горы. Он ещё хотел ездить, но третий брат просил, чтобы он поскорее пустил его. Третий брат проехал и на гумно, и вокруг сада, да ещё и по деревне, и шибко проскакал из-под горы к конюшне. Когда он подъехал к нам, Воронок сопел, а шея и лопатки потемнели у него от пота.

Когда пришёл мой черёд, я хотел удивить братьев и показать им, как я хорошо ежжу, — стал погонять Воронка изо всех сил, но Воронок не хотел идти от конюшни. И сколько я ни колотил его, он не хотел скакать, а только трусил и заворачивал всё назад. Я злился на лошадь и изо всех сил бил её хлыстом и ногами. Я старался бить её в те места, где ей больнее, сломал хлыст и остатком хлыста стал бить по голове. Но Воронок всё не хотел скакать. Тогда я поворотил назад, подъехал к дядьке и попросил хлыстика покрепче. Но дядька сказал мне:

— Будет вам ездить, сударь, слезайте. Что лошадь мучить?

Я обиделся и сказал:

— Как же я совсем не ездил? Посмотри, как я сейчас проскочу! Дай, пожалуйста, мне хлыст покрепче. Я его разожду.

Тогда дядька покачал головой и сказал:

— Ах, сударь, жалости в вас нет. Что его разжигать? Ведь ему двадцать лет. Лошадь измучена, насилу дышит, да и стара. Ведь она такая старая! Всё равно как Пимен Тимофеич. Вы бы сели на Тимофеича, да так-то через силу погоняли бы его хлыстом. Что же, вам не жалко было бы?

Я вспомнил про Пимена и послушал дядьки. Я слез с лошади и, когда я посмотрел, как она носила потными боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облезшим хвостиком, я понял, что лошади трудно было. А то я думал, что ей было так же весело, как мне. Мне так жалко стало Воронка, что я стал целовать его в потную шею и просить у него прощенья за то, что я его бил.

С тех пор я вырос большой и всегда жалею лошадей, и всегда вспоминаю Воронка и Пимена Тимофеича, когда вижу, что мучают лошадей.

СОЛДАТКИНО ЖИТЬЕ

Мы жили бедно на краю деревни. Была у меня мать, нянька (старшая сестра) и бабушка.

Бабушка ходила в старом чупруне¹ и худенькой панёве², а голову завязывала какой-то ветошкой³, и под горлом у ней висел мешочек. Бабушка любила и жалела меня больше матери.

Отец мой был в солдатах. Говорили про него, что он много пил и за то его отдали в солдаты. Я как сквозь сон помню — он приходил к нам на побывку. Изба наша была тесная и подпёртая в середине рогулиной⁴, и я помню, как я лазил на эту подпорку, оборвался и разбил себе лоб об лавку. И до сих пор метина эта осталась у меня на лбу.

В избе были два маленькие окна и одно всегда было заткнуто ветошкой. Двор наш был тесный и раскрытый. В середине стояло старое корыто. На дворе была только одна старая, кособокая лошадёнка; коровы у нас не было, были две плохонькие овчонки и один ягнёнок. Я всегда спал с этим ягнёнком. Ели мы хлеб с водой. Работать у нас было некому, мать моя всегда жаловалась от живота, а бабушка от головы и всегда была около печки. Работала только одна моя нянька, и то в свою долю, а не в семью, покупала себе наряды и собиралась замуж.

Помню я — мать стала больнее и потом родился у ней мальчик. Мамушку положили в сени. Бабушка заняла у соседа крупниц и послала дядю Нефёда за попом. А сестра пошла собирать народ на крестины⁵.

Собрался народ, принесли три ковриги хлеба. Родня стала расставлять столы и покрывать скатертями. Потом при-

¹ Чупру́н, здесь в значении шушун — женская верхняя одежда: кофта, шубейка.

² Панёва — шерстяная юбка.

³ Вето́шка — тряпочка.

⁴ Рогу́лина — палка о двух концах (рогах) для упора.

⁵ Крестіны — церковный обряд.

несли скамейки и ушат¹ с водой. И все сели по местам. Когда приехал священник, кум с кумой² стали впереди, а позади стала тётка Акулина с мальчиком. Стали молиться. Потом вынули мальчика, и священник взял его и опустил в воду. Я испугался и закричал:

— Дай мальчика сюда!

Но бабушка рассердилась на меня и сказала:

— Молчи, а то побью.

Священник окунул его три раза и отдал тётке Акулине. Тётка завернула его в миткаль³ и отнесла к матери в сени.

Потом все сели за столы, бабушка наложила каши две чашки, налила постное масло и подала народу. Когда все наелись, — вылезли из-за столов, поблагодарили бабушку и ушли.

Я пошёл к матери и говорю:

— Ма, как его зовут?

Мать говорит:

— Так же, как тебя.

Мальчик был худой; ножки, ручки у него были тоненькие, и он всё кричал. Когда ни проснёшься ночью, он всё кричит, а мамушка всё баюкает, припевает. Сама кряхтит, а всё поёт.

Один раз ночью я проснулся и слышу — мать плачет. Бабушка встала и говорит:

— Чтó ты, Христос с тобой!

Мать говорит:

— Мальчик помер.

Бабушка зажгла огонь, обмыла мальчика, надела чистую рубашечку, подпоясала и положила под святое. Когда рассвело, бабушка вышла из избы и привела дядю Нефёда. Дядя принёс две старенькие тесинки и стал делать гробик. Сделал маленькое домище и положил мальчика туда. Потом мать села к гробику и тонким голосом стала причитать и завывала. Потом дядя Нефёд взял гробик под мышку и понёс хоронить.

Только у нас и было радости, как мы няньку отдавали заму́ж. Приехали к нам раз мужики и принесли с собой ковригу хлеба и вина. И стали подносить своё вино матери. Мать выпила. Дядя Иван отрезал ломоть хлеба и подал ей. Я стоял

¹ Уша́т — деревянная посуда, для носки воды вдвоём, с проёмами (ушами) по бокам.

² Ку́м с кумой — восприемники новорожденного при крещении, в дальнейшем опекающие его наравне с отцом и матерью.

³ Ми́ткаль — однотонная ткань из хлопка.

подле стола, и мне захотелось хлебушка. Я нагнул мать и сказал ей на ухо. Мать засмеялась, а дядя Иван говорит:

— Что он? хлебца? — и отрезал мне большой ломоть.

Я взял хлеб и ушёл в чулан. А нянька сидела в чулане. Она стала меня спрашивать:

— Что там мужики говорят?

Я сказал:

— Вино пьют.

Она засмеялась и говорит:

— Это они меня сватают за Кондрашку.

Потом собрались играть свадьбу. Все встали рано. Бабушка топила печку, мать месила пироги, а тётка Акулина мыла говядину.

Нянька нарядилась в новые коты¹, надела сарафан красный и платок хороший и ничего не делала. Потом, когда истопили избу, мать тоже нарядилась, и пришло к нам много народу — полная изба.

Потом подъехали к нашему двору три пары с колоколами. И на задней паре сидел жених Кондрашка в новом кафтане² и в высокой шапке. Жених слез с телеги и пошёл в избу. Надели на няньку новую шубу и вывели её к жениху. Посадили жениха с невестой за стол, и бабы стали их величать. Потом вылезли из-за стола, помолились богу и вышли на двор. Кондрашка посадил няньку в телегу, а сам сел в дружку. Все посажались в телеги, перекрестились и поехали. Я вернулся в избу и сел к окну ждать, когда свадьба вернётся. Мать дала мне кусочек хлебца, я поел, да тут и заснул. Потом меня разбудила мать, говорит:

— Едут!

Дала мне скалку³ и велела сесть за стол. Кондрашка с нянькой вошли в избу и за ними много народа, больше прежнего. И на улице был народ и все смотрели к нам в окна. Дядя Герасим был дружкой⁴; он подошёл ко мне и говорит:

— Вылезай.

¹ Коты — полусапожки.

² Кафта́н — мужская верхняя одежда с длинными полами.

³ Ска́лка — наскоро свёрнутый и зашпиленный спичкой черпачок из берёсты для питья.

⁴ Дру́жка — женатый молодец, знающий свадебный обряд; распорядитель на свадьбе.

Я испугался и хотел лезть, а бабушка говорит:

— Ты покажи скалку и скажи: а это что?

Я так и сделал. Дядя Герасим положил денег в стакан и налил вина и подал мне. Я взял стакан и подал бабушке. Тогда мы вылезли, а они сели.

Потом стали подносить вино, студень, говядину; стали петь песни и плясать. Дяде Герасиму поднесли вина; он выпил немного и говорит:

— Что-то вино горько.

Тогда нянька взяла Кондрашку за уши и стала его целовать.

Долго играли песни и плясали, а потом все ушли и Кондрашка повёл няньку к себе домой.

После этого мы стали ещё беднее жить. Продали лошадь и последних овец, и хлеба у нас часто не было. Мать ходила занимать у родных. Вскоре и бабушка померла. Помню я, как матушка по ней выла и причитала: «Уже родимая моя матушка! на кого ты меня оставила горькую-горемычную? на кого покинула своё дитяtko несчастное? где я ума-разума возьму? как мне век прожить?»

И так она долго плакала и причитала.

Один раз пошёл я с ребятами на большую дорогу лошадей стеречь и вижу — идёт солдат с сумочкой за плечами. Он подошёл к ребятам и говорит:

— Вы из какой деревни, ребята?

— Мы, — говорим, — из Никольского.

— А что, живёт у вас солдатка Матрёна?

А я говорю:

— Жива, она мне матушка.

Солдат поглядел на меня и говорит:

— А отца своего видал?

Я говорю:

— Он в солдатах, не видал.

Солдат и говорит:

— Ну, пойдём, проводи меня к Матрёне, я ей письмо от отца привёз.

Я говорю:

— Какое письмо?

А он говорит:

— Вот пойдём, увидишь.

— Ну что ж, пойдём.

Солдат пошёл со мной, да так скоро, что я бегом за ним

не попевал. Вот пришли мы в свой дом. Солдат помолился богу и говорит:

— Здравствуйте!

Потом разделся, сел на конник¹ и стал оглядывать избу, и говорит:

— Что ж, у вас семьи только-то?

Мать оробела и ничего не говорит, только смотрит на солдата.

Он и говорит:

— Где ж матушка? — а сам заплакал.

Тут мать подбежала к отцу и стала его целовать. И я тоже влез к нему на колени и стал его обшаривать руками. А он перестал плакать и стал смеяться.

Потом пришёл народ, и отец со всеми здоровался и рассказывал, что он теперь совсем по билету вышел.

Как пригнали скотину, пришла и нянька и поцеловалась с отцом. А отец и говорит:

— Это чья же молодая бабочка?

А мать засмеялась и говорит:

— Свою дочь не узнал.

Отец позвал её ещё к себе и поцеловал и спрашивал, как она живёт?

Потом мать ушла варить яичницу, а няньку послала за вином. Нянька принесла штофчик, заткнутый бумажкой, и поставила на стол. Отец и говорит:

— Это что?

А мать говорит:

— Тебе вина.

А он говорит:

— Нет, уж пятый год не пью; а вот яичницу подавай!

Он помолился богу, сел за стол и стал есть. Потом он говорит:

— Кабы я не бросил пить, я бы и унтер-офицером не был, и домой бы ничего не принёс, — а теперь слава богу.

Он достал в сумке кошель с деньгами и отдал матери.

Мать обрадовалась, заторопилась и понесла хоронить.

Потом, когда все разошлись, отец лёг спать на задней лавке и меня положил с собой, а мать легла у нас в ногах. И долго они разговаривали, почти до полуночи. Потом я уснул.

¹ Кóнник, окóнник — лавка в избе вдоль окон.

Поутру мать говорит:

— Ох, дров-то нет у меня!

А отец говорит:

— Топор есть?

— Есть, да щербатый, плохой.

Отец обулся, взял топор и вышел на двор.

Я побежал за ним.

Отец сдёрнул с крыши жердь, положил на колоду, взмахнул топором, живо перерубил и принёс в избу, и говорит:

— Ну вот тебе и дрова, топи печь; а я нынче пойду приищу купить избу да лесу на двор. Корову также купить надо.

Мать говорит:

— Ох, денег много на всё надо.

А отец говорит:

— А работать будем. Вон мужик-то растёт!

Отец показал на меня.

Вот отец помолился богу, поел хлебца, оделся и говорит матери:

— А есть яички свежие, так испеки в золе к обеду.

И пошёл со двора.

Отец долго не ворочался. Я стал проситься у матери за отцом. Она не пускала. Я хотел уйти, а мать не пустила меня и побила. Я сел на печку и стал плакать. Тут отец вошёл в избу и говорит:

— О чём плачешь?

Я говорю:

— Я хотел за тобой бечь, а мать меня не пустила, да ещё побила, — и ещё нуще заплакал.

Отец засмеялся, подошёл к матери и стал её бить нарочно, а сам приговаривает:

— Не бей Федьку, не бей Федьку!

Мать нарочно будто заплакала, отец засмеялся и говорит:

— Вот вы с Федькой какие на слёзы слабые, сейчас и плакать.

Потом отец сел за стол, посадил меня с собой рядом и закричал:

— Ну, теперь давай нам, мать, с Федюшкой обедать; мы есть хотим.

Мать дала нам каши и яиц, и мы стали есть. А мать говорит:

— Ну что же — иструбь?¹

А отец говорит:

— Купил, восемьдесят целковых, липовый, белый, как стекло. Вот дай срок, мужикам купим винца, они мне и свезут воскресным делом.

С тех пор мы стали хорошо жить.

¹ Иструбь, сруб — недостроенная бревенчатая изба из четырёх стен без пола и крыши.

СОДЕРЖАНИЕ

Как мальчик рассказывал про то, как его в лесу застала гроза (<i>Быль</i>)	3
Как тётушка рассказывала о том, как она выучилась шить (<i>Рассказ</i>)	4
Котёнок (<i>Быль</i>)	6
Подкидыш	9
Корова (<i>Быль</i>)	10
Рассказ мужика о том, за что он старшего брата своего любит . .	12
Собака Якова	14
Пожар (<i>Быль</i>)	16
Старая лошадь	18
Солдаткино житьё	22

Для младшего школьного возраста

Лев Николаевич Толстой

ПОДКИДЫШ

Рассказы

ИБ № 7892

Ответственный редактор *Г. И. Гусева*. Художественный редактор *Е. М. Ларская*. Технический редактор *Е. В. Бугашина*. Корректор *А. А. Гусельникова*. Слано в набор 15.03.85. Подписано к печати 01.07.85. Формат 70×100¹/₁₆. Бум. офсет. № 2. Шрифт обычный. Печать офсет. Усл. печ. л. 2,6. Усл. кр. отт. 6,17. Уч.-изд. л. 2,12. Тираж 3 000 000 экз. Заказ № 274. Цена 10 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ!

Издательство «Детская литература» выпускает для вас серию книг «ЧИТАЕМ САМИ».

В 1985 году вышли и выходят такие книги:

Аким Я.
ГДЕ ТЫ ХОДИШЬ, ОСЕНЬ

Стихи

Воронкова Л.
ПОДРУЖКИ ИДУТ В ШКОЛУ

Рассказы

Маршак С.
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ КАЛЕНДАРЯ

Стихи

Пришвин М.
ВАСЯ ВЕСЕЛКИН

Рассказы

Даль В.
ДЕВОЧКА СНЕГУРОЧКА

Сказки

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Стихи русских поэтов